

Елена КУБЛИ
г. Петрозаводск

СОЛНЕЧНЫЙ РОСПЛЕСК

Давно мы наметили втроём навестить остров, двтайне мечтая, чтобы городские дела не помешали нашей поездке. Рюкзаки загодя уложены, и снятся нам счастливые сны — то покрывало белого мха на лобастых скалах, то протока, где солнечные лучи сплетаются с прохладными водами до самого дна.

Каждый раз остров приоткрывал нам одну из своих граней, и мы радостно предвкушали: что ждёт нас в этот приезд? Намеченный день выдался тёплым и безветренным. Небо с пушистыми облаками и озёрный пролив, казалось, тянулись навстречу друг другу. Мы сели в катер и отправились в путь вдоль островной деревни. Мотор мерно тарахтел, настроение у всех было приподнятое, ощущение — будто свершается что-то давно желанное, но почему-то очень долго откладываемое. Энергичным взмахом руки или ослепительной улыбкой мы приветствовали встречных — все люди на берегу казались знакомыми, милыми,

невольными разделяющими нашу радость от долгожданной поездки.

Не торопясь, мотор разрезал воду на две пенные косы, и совсем скоро, даже не успев вдоволь наглядеться на проплывающие берега, наша безмятежная троица прибыла на мыс Счастья. Историческая справедливость требует признать, что на самом деле у этого места есть закрепившееся топонимическое название, но в тот день, вне всякого сомнения, это был мыс именно щенячьего, молодого, поглощающего все существо, заставляющего петь сердце, — счастья!

* * *

Со стороны могло показаться, что ничего особенного не происходит — взрослые женщины сидели на скалистом мысу, живописно спускающемуся к воде, пили кофе, разговаривали, но в каждой из них в эти самые минуты расцветали своя сказка, своя песня, своя история.

Все трое в чём-то были похожи: общее советское детство, привычка быть ответственными за себя и других, любовь к природе... А главное — выросли в интеллигентных творческих семьях.

— Наташа, — Лена смеющимися от радости глазами показывает на бутерброд, — будешь?

— Да нет, оставь себе.

— Чего же так? — не унимается Лена. — Давайте поедим как следует, привалов больше не будет.

— У тебя-то самой осталось ещё? — тактично осведомляется Наташа. — Если да, то давай! И плесни кофе, пожалуйста.

— Ну вот какие вы! — улыбается Вера, — все едят своё, а я готовила на нас троих!

Когда их смешливо-счастливые взгляды встречались, на душе каждой становилось теплее, необъятнее как-то...

Душа Лены, что обо всём тревожилась, вдруг в мгновение ока сделалась без границ, просто бездонной, вобрав в себя всё видимое и невидимое — насколько хватало глаз и воображения. Лена удивилась перемене в себе: всё внутри пело, и ей казалось, что воздушные ступени, по которым она так часто ходила по небу в детских снах, существуют наяву — только поставь на них ногу и пойдёшь...

Солнце переливается в царственно покачивающихся сосновых ветвях, беспокойно лопочут едва тронутые первой осенней ржавчиной осинки, потрескивает нагретая кора, во мху покоится бесконечное множество рун — чешуек сосны.

Вера, отдавшая годы своей любви и сил близкому угасающему человеку, сейчас смотрит на это пространство глазами художника, умудренного пережитым опытом.

И предстают перед ней валуны в поцелуе, и выходят навстречу звери и птицы, что ещё минуту назад, до того как она кинула взгляд, были просто затейливыми корягами можжевельника или сосны...

— Лена, ну ты же чуть на змею не наступила! — заботливо негодует Вера. — Ты прямо параллельно ей ногу поставила!

— Где? — рассеянно спрашивает Лена, поглощённая великолепием окружающего пространства.

— Уползает уже.

— Честное слово, не видела. А сейчас она где?

— Да вот же! — Вера осторожно поводит рукой в сторону сонно струящегося под камень черного ручейка.

— Здоровая, гадюка Никольского, — почти восторженно выдыхает Лена. — А вот еще одна! Девчонки, может, не будем испытывать судьбу? Зачем ждать встречи с третьей? Давайте на вершину не полезем!

— Глупости! — это Наташа решительно отвечает уже сверху, — давайте хотя бы вот на этот уступ взойдём — он совсем рядом!

Ната, Наташенька... сколько походов, костров, звёздного неба, дружбы вместило твоё благородное и верное сердце, что не цепляется за людские обиды и прощает тех, кто дает пустые обещания! Как быстро и умело ты прокладываешь путь подружкам среди отвесных валунов!

* * *

На вершине — красота мира, что за каждым поворотом показывалась то одним, то другим фрагментом, предстаёт перед взором всей чарующей мощью: широкая гладь воды, нежно и таинственно поблескивая, обнимает остров; скала белорозового и зелёного мха со вставками сланца переливается на солнце, как самоцвет; янтарные стройные сосны с причудливо изогнутыми ветвями тиарами высются на уступах. Из-за солнечных бликов и ветра всё в движении, но при этом в заповедном лесу безмолвно.

В такие мгновения слова бессильны и не нужны, красота вокруг соединяется с красотой души и концентрируется в какую-то доньне не испытываемую энергию — тихую, но очень мощную: ты становишься нечувствительным к будничному. Родство с этой энергией разлито в воздухе, деревья, травы, вода, камни и ты сам — единое нерасторжимое целое.

Как долги три обновленных, благодарных человека стояли, ликовали и трепетно вслушивались вдаль, — неизвестно: каждая такая минута в жизни — вечность. Потом медленно стали спускаться со скалы. Впереди — заботливая и внимательная Вера, следом — всё и всех понимающая и принимающая Наташа и просто по-детски лёгкая, счастливая и полная сил для свершений Лена.

Снова затарахтел мотор, стали убежать вдаль любимые берега.

Три женщины ещё раз долгим, благодарно-счастливым взглядом провожали Вершину мира, пока та не скрылась за поворотом последней скальной гряды. На Онего, над самой поверхностью воды, полоскалась тончайшая прозрачно-золотистая кисея; было горячо на сердце и боязно дышать, чтобы не смять, не расплескать необъятность этого дня.

ЗИМНЯЯ ДЕВУШКА

Уже неделю стоит плюсовая температура, снег слезами стекает с крыш, капли день и ночь

барабанят по карнизу, а ты с грустью глядишь на оголившийся асфальт и в какой-то момент просто автоматически берёшь билет до зимнего озера.

Приятные метаморфозы происходят, когда садишься в автобус или поезд и едешь в другой город пусть даже на одни сутки; нерешённые вопросы и задачи несколько отстают от тебя, и ты получаешь кратковременную свободу. Именно это чувство — облегчения, радости — делает твои глаза лучистыми, а общение с людьми в пути — лёгким, приятным.

Бесконечно любишь Ладогу за то, что раньше, давным-давно, она сообщалась с морем, за её непокой, тоже упрямый, морской. Хотя у ладожской воды свой характер: в районе Видлицы она звучит мирнее и спокойнее, чем в других частях. Особенно милы сердцу перекаты тяжёлого хрусталя волн осенью, в предзимье...

Зимой озеро по-особенному величественно. Хорошо, что погода сегодня не ослепительно солнечная, не парадная, а под стать настроению — тихая, неяркая. И ты стоишь на любимом просторе: впереди тебя — насколько хватает глаз — озеро во льду, на берегу — снег, за спиной — сосны.

Справа, метрах в ста, на границе воды и суши, уткнулась в небо деревянная вежа. Ты медленно бредёшь к ней по подтаявшему насту, по утоптанной тропе, которая уже не держит тебя, то и дело проваливаешься то одной, то другой ногой по колено в снег. Но это не раздражает, а, наоборот, веселит. Среди такого величия, вселяющего беспредельное спокойное счастье, нет места раздражению.

У вежи ты останавливаешься и понимаешь, что без снегоступов дальше не пройти, присаживаешься на сидушку на островок красно-марсового песка и долго любишь торосами чистейшего голубого стекла вдаль, зеркалом льда перед ними. Вблизи, у самого берега, восхищённо смотришь на застывшие заснеженные волны — белые, с мягкими очертаниями, присыпанные розоватым песком, словно пудрой, — неожиданно нежные, как крем-брюле.

И вот ты сидишь в окружении озера, такого обширного, с таким горизонтом, что представляется оно морем сосен, снега (все крупинки прозрачные и крупные, словно стекло); не хочется шевелиться, время замерло вместе с тобой. Ничто не мешает, не торопит созерцания: плюсовая температура, южный ветер, морось дождя — оттепель, не стыкующаяся в сознании с зимой! Но в тот момент ничего этого не замечаешь: перед тобой ледяные фигуры — подарки озера — да един-

ственный расцветший куст вербы... 26 февраля!

Верба в Олонце с малиновыми жизнеутверждающими прутьями и шёлково-золотистыми бутонами почек — увидишь, как они качаются на ветру, не сможешь сюда не вернуться! Это значит весна теснит зиму. Сделать бы так, чтобы снег не таял!.. Ещё раз оглядываешься, до последней крупинки вбирая в себя пока ещё зимний пейзаж, чтобы на подольше хватило, — и направляешься к кафе.

...Автобус, мерно шурша шинами, везёт тебя обратно в город, а ты мысленно до сих пор там, на ладожском берегу, невольно задаёшься вопросами: ради чего живёшь, что ещё можно и нужно успеть сделать в жизни?.. Взгляд в окно возвращает к действительности: белый пушистый снег припорошил поля, деревеньки, пролески — всё светится белым. Мыслей в голове никаких, кроме одной — хочется жить вечно: смотреть, любоваться, чувствовать, творить...

ОКНО ТОМАСА МАННА

Невесомая янтарная полоска света сквозь ставни. Шум в ветвях сосен.

Если распахнуть окно, новый день ворвётся в него, и я увижу, как задумчивыми веерами склоняются камыши под ветром и волны с мириадами солнечных бликов меланхолично лижут прохладный песок. Нида...

Дом Томаса Манна с небесно-синими ставнями, наполненный прожитыми годами, уютной деревянной мебелью, фотографиями, рисунками, книгами и письмами — такими прекрасными, что они могли бы скрасить моё существование настолько долго, насколько мне этого хотелось: чтобы душа никуда не рвалась.

*За целый день
Не сказал ни слова.
Тень от стрекозы...*

Одзаки Хосай

«Пленник невероятной своеобразности и красоты этой природы, фантастического мира движущихся дюн» близок мне по духу, понятиям, ценностям; по стилю, которым он выражает свои мысли и чувства. Это ощущается не только по его произведениям, отдельным высказываниям, но и пространству, окружавшему его.

Возможно, он думал так же, как я сейчас, глядя через открытые ставни на море: «Душа здесь, на

Куршской косе, ощущает себя молодой: она ликует, грустит, вопрошает, поёт. До тех пор, пока я не отпущу в себе эту привязанность к земной красоте и гармонии, буду рождаться на Земле ещё много раз...»

...Особенно сильный порыв ветра парусником натянул занавеску и пытается перевернуть лист рукописи у окна, должно быть, не случайно — читаю цитату из «Волшебной горы»:

«Шумящая пустыня, затянутая бледной светлосерой дымкой, насыщенной терпкой сыростью, которая оставляет вкус соли на наших губах! А мы идём, идём по упругому, усеянному ракушками и водорослями песку; ветер окутывает нам уши, этот огромный, широкий и мягкий ветер, он безудержно, честно и вольно проносится через пространства, навевая нам лёгкий хмель, и мы бредём, бредём, а пенные языки накатывающих и отступающих валов пытаются лизнуть наши ноги. Прибой кипит, то гулко ухает волна за волной, то стелется и ластится, набегая на плоский берег — и тут, и там, и на иных, далёких побережьях, и этот сумбурный и всеобщий, мягко рокочущий грохот замыкает наш слух для любых голосов на свете... Долго ли? Далеко ли? Стоя на месте — идём вперёд. Ничто не меняется при нашем шаге, там — все равно что здесь, раньше — все равно что теперь и потом, в безмерном однообразии пространства тонет время, движение от точки к точке — уже не движение, тут властвует тождество, а там, где движение перестаёт быть им, там времени уже нет».

Море и балтийский берег, полоска земли... они и для меня всегда имели высший смысл, они

мне нужнее времени, веры, добродетели, истории, смысла жизни, любви... Бреду по пенящейся кромке воды вдоль берега долго-долго... Вспоминаются разные годы жизни, разные состояния природы при встрече с бушующим Балтийским морем: тёплый песочный дождь на коже, когда лежишь в дюнах, и ветер переносит песчинки с одного места на другое; тяжёлые складки волн, с монотонным грохотом обрушивающиеся на побережье; чешуя коры сосен со слезами янтаря; седые низкие облака и цвета зелёного стекла горизонт, иногда — дорожка ослепительного солнца на водной глади...

В лёгкие сумерки возвращаюсь к дому, усаживаюсь на скамейку, достаю карандаш. Сильный ветер, такой же, как утром, треплет листья моего блокнота, отчего кажется, словно белая чайка расправила крылья у меня на коленях, стремясь взмыть вверх. Я быстро набрасываю несколько мыслей, потому что темнеет стремительно, небо и море сливаются в тоне, сливаются в гуле...

Чьи глаза будут читать эти строки, кто будет думать, чувствовать так же, как я? Похожие на меня или близкие мне люди — сколько их? Или мне достаточно одного, пусть даже через долгие годы?

Сейчас, когда мгла полностью поглотила очертания природы, душа устремилась во Вселенную: что там, за «привычной» божественной красотой; почему внутри нас есть ответы на все наши вопросы?..

Елена КУБЛИ

родилась в Петрозаводске.

Окончила Московский государственный университет печати по специальности «художник-график».

С 1996 по 1997 год училась в Литературном институте

им. А.М. Горького (проза, семинар А.Е. Рекемчука).

Итогом семинарских занятий явились повесть и цикл рассказов, часть из которых вышла в свет в 2015 году в сборнике «Остров Суйсарь».

Автор ряда публикаций в журнале «Север».

Работает преподавателем.

